

УДК 323

ПОНЯТИЕ СЕЦЕССИИ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАУКЕ

Р.М. Нуруллин

Аннотация

Политическая наука на сегодняшний день не обладает общепринятым определением сецессии, что выражается в многочисленных терминологических неточностях, обнаруживающихся в современных исследованиях политического сепаратизма. В статье проясняется содержание понятия сецессии и выявляется соотношение сецессии с родственными терминами.

Ключевые слова: сецессия, политический сепаратизм, ирредентизм, энозис, деколонизация, распад государства.

В отечественной и зарубежной политологической литературе сформировалось множество представлений о том, что такое сецессия. При этом общепринятого определения данного политического явления в настоящее время не существует, а содержание понятия сецессии до сих пор остается непроясненным.

Сецессия – слово латинского происхождения, которое с точки зрения этимологии может быть разложено на две части: *se* – «отдельно» и *cedere* – «идти» [1, с. 290]. Первоначальное значение термина *сецессия* связано с древнеримской историей, в контексте которой под сецессией подразумевался демонстративный уход в знак протеста.

Известно, что период существования ранней Римской республики был отмечен продолжительной борьбой сословия плебеев с патрициями за свои политические и экономические права (с V по III вв. до н. э.). Одной из форм борьбы против абсолютизма власти был демонстративный уход плебеев за черту города. В результате подобного протестного поведения город оставался уязвимым для врагов, поскольку плебеи составляли основную часть римской армии. После пяти подобных «уходов» плебеи добились ограничивающего народного контроля над официальной властью, учреждения должности народного трибуна, допуска к консулату и отмены долговой кабалы.

Семантическое обогащение слова *сецессия* происходит в религиозной атмосфере середины XVIII в., когда *сецессией* именуют не просто «уход в знак протеста», но и религиозно-политический акт, на основании которого группа людей выходит из состава одного религиозного института для формирования своего собственного объединения. Так, в 1733 г. некоторые шотландские приходы, не согласившись с правом чиновников назначать священников по своему усмотрению, начинают отпадать от первенствующей пресвитерианской государственной церкви и образовывать свободные церковные общины. Кроме самоназвания

раскольников («сесидерс») появляется также отдельная церковь – «Сисешн Черч» (транслитерация с англ. *Secession Church* – «Отделенная церковь»), последователи которой полагали, что право выбирать священников принадлежит народу.

Понятие сецессии, близкое к современному (выход из состава единого государства какой-либо его части), стало оформляться в период Войны за независимость в Северной Америке (1775–1783), в ходе которой американские колонии отделились от Королевства Великой Британии и было образовано новое независимое государство – Соединенные Штаты Америки. Позднее, во время Гражданской войны в США (1861–1865), произошла сецессия 11 рабовладельческих штатов Юга, которые постепенно вышли из состава США и образовали непризнанное ни одной страной независимое государство «Конфедеративные Штаты Америки», просуществовавшее с 1861 по 1865 гг. Осуществившие сецессию штаты среди прочего апеллировали к тому, что в Конституции США отсутствовал прямой запрет на выход отдельных штатов из состава единого государства.

Таким образом, оттенки значения слова *сецессия* менялись в связи с историческим контекстом, но смысловое ядро – «выход и образование нового института» – осталось неизменным и присутствует во всех современных семантических сочетаниях с этим словом (включая сецессию в искусстве, экономике, медицине).

Следует также отметить, что оценочные суждения по поводу самого феномена сецессии были весьма разнообразными – от непонимания и неприятия до восторженного восхваления. Разумеется, не нужно доказывать, что, например, патриции были «не в восторге» от ухода плебеев из города, а часть римского населения впоследствии гордилась поступками плебеев. Однако подобная вариативность экспрессивно-эмоциональных оттенков понятия сецессии к концу XX в. практически исчерпала себя, а ассоциации стали носить сугубо отрицательный характер: сецессия сегодня рассматривается лишь как «плохое», неблагоприятное явление, а централизация и консолидация трактуются исключительно как положительные процессы [2, с. 38]. Все это укладывается в наметившуюся в современном политическом лексиконе тенденцию называть все интеграционные намерения «прогрессивными», а дезинтеграционные – реакционными и негативными.

Зарубежные исследователи отмечают, что из-за «негативного звучания» слово *сецессия* практически не встречается ни в официальных документах, ни в средствах массовой информации [3, с. 2]. Несмотря на использование термина *сецессия* в научном лексиконе советского периода, современные российские СМИ также обходят это слово стороной.

В связи с подобной ярко выраженной тенденцией вкладывать в понятие сецессии сугубо негативный смысл появились попытки конструировать лексические заменители слова *сецессия*, которые якобы обладают неким «положительным» оттенком значения. Такими заменителями служат, например, выражения «стремление к независимости», «борьба за национальное освобождение», «действия, направленные на сохранение национальной самобытности» и т. д.

Как представляется, слово *сецессия* является в первую очередь научным термином и лишено какого-либо оценочного значения и эмоциональной окраски. Что же касается отмеченных лексических заменителей, то они не только неточно отражают суть сецессии как формы политического сепаратизма, но и сами могут быть подвергнуты словесной казуистике в зависимости от того, какой политико-идеологический смысл в них вкладывается. Все это может выразиться в двойных оценках сепаратистских действий, когда одно и то же событие может быть интерпретировано двояко: «угнетенные народы стремятся к независимости» или «повстанцы хотят отколоться и призывают к сецессии». В этом случае тривиальная амбивалентность типа «друг – враг» практически всегда будет направлена на формирование базовой дихотомии «свой – чужой» и культивировать тот или иной «образ противника». Считаем, что подобная системная предвзятость, направленная на создание политики двойных стандартов, не имеет с наукой ничего общего и не позволяет объективно оценивать происходящие политические процессы.

Важно также подчеркнуть, что само явление интеграции не всегда ведет к положительным изменениям в политической системе общества. Как справедливо отмечает отечественный исследователь А.Б. Крылов, часто именно под лозунгами интеграции проводились дискриминации меньшинств, подавление их культуры и насильственная ассимиляция [4, с. 9].

Идеологизация научных терминов обычно не придает ясности трактовкам исследуемых явлений, а размытость понимания приводит лишь к мультиплицированию терминологических неточностей, связанных с интерпретацией сепаратистских практик.

Так, в ряде публикаций утверждается, что сецессия «может существовать в двух основных формах: сепаратистской, если деятельность оппозиционной группировки связана с достижением полной политической независимости... и ирредентистской, когда сецессионисты добиваются вхождения в состав уже существующего государства...» [5, с. 98]. Если руководствоваться отмеченным определением, может сложиться ложное представление о том, что сецессия обладает сепаратистским потенциалом, а ирредентизм им не обладает, что сецессия проявляется в форме сепаратизма или ирредентизма, а сепаратизм в форме сецессии выражен быть не может. Крайне субъективная позиция по этому вопросу встречается и в некоторых зарубежных источниках, в которых отмечается, что сепаратизм отличается от сецессии тем, что не предполагает отделения части государственной территории [6, с. 267].

На наш взгляд, представленные точки зрения вызывают серьезные возражения, так как сепаратизм, в отличие от сецессии, является более широким и менее определенным понятием. Так, современные академические справочники не сужают, а, наоборот, расширяют толкование феномена сепаратизма, фиксируя его многозначность: сепаратизм – это и стремление, и движение, и убеждение в необходимости отделения. Кроме этого, под сепаратизмом часто понимается также поддержка отделения, требования и принципы сторонников отделения, а также особая политическая оппозиция центральной власти.

Приведенные определения указывают не только на значительный объем понятия сепаратизма, но и на установившуюся тенденцию придавать сепаратизму

расширительную трактовку. Полагаем, что наметившиеся попытки «раздуть» явление сепаратизма до невероятных пределов неоправданны. Так, если брать за основу тезис о том, что «сепаратизм – это стремление к обособлению», то сепаратизмом можно было бы назвать даже деятельность фольклорных ансамблей песни и танца, проникнутых национальным колоритом и пропагандирующих этнические традиции (см. [4, с. 7]).

Ввиду того что сецессия представляет собой проявление политического сепаратизма, оправданной является необходимость уточнить определение политического сепаратизма, что, в свою очередь, поможет в дальнейшем выявить соотношение понятий *сецессия*, *ирредентизм*, *сепаратизм*.

Политический сепаратизм (от латинского *separatus* – отделенный) – это действия по реализации системы взглядов, убеждений, ценностей, основанные на стремлении к отделению от политического целого его части. Введенное определение, во-первых, позволяет говорить не только о политическом сепаратизме, например, субъекта федерации, но и о политическом сепаратизме внутри фракции в законодательном органе страны или сепаратизме какого-либо общественного движения, выступающего за права меньшинств; во-вторых, оно включает идейно-мотивационный базис (взгляды, убеждения, ценности) и потенциальную цель (отделение политического института, который может в результате реализации определенных требований оставаться элементом системы (например, в случае требования автономии в рамках единого государства) либо выйти из состава системы и оформиться в новую политическую структуру при сецессии); в-третьих, данная дефиниция подразумевает деятельность по реализации цели (если субъект или группа обозначает в своей политической платформе принципы отделения, но не реализует их на практике, то здесь следует говорить лишь о декларировании сепаратистской идеологии, а не о политическом сепаратизме в собственном смысле слова).

Поскольку диапазон сепаратистских устремлений достаточно широк, в настоящее время уже предпринимаются попытки сузить понятие сепаратизма в зависимости от того, в какой конкретно сфере оно применяется. В научный обиход уже прочно вошли следующие термины: *правовой сепаратизм*, предполагающий обособление законодательной базы региона от федерального законодательства; *территориальный сепаратизм*, означающий требование отделения одной территории от целостного государства; *экономический сепаратизм*, подразумевающий стремление экономических субъектов к отделению. Здесь следует отметить, что при реализации сепаратистской идеологии по цепочке могут быть задействованы различные сферы. Например, стремление какого-либо региона создать свой независимый рынок и получить определенную долю экономической самостоятельности и независимости от центра может повлечь за собой изменение соответствующей законодательной базы в пользу рассматриваемого региона и привести к правовому сепаратизму.

Учитывая названные характеристики, заметим, что политический сепаратизм может выражаться в различных. В политико-территориальном смысле одной из таких форм сепаратизма и является сецессия, которая представляет собой процесс отделения и выхода из состава государства какой-либо его части, что предполагает создание нового государства на отделившейся территории [7,

с. 1]. Наряду с сецессией сепаратизм может быть выражен также в форме ирредентизма и энозиса.

Под *ирредентизмом* (от итал. *irredento* – неосвобожденный) обычно понимают отделение части территории государства с целью присоединения к соседнему государству [8, с. 4]. Происхождение термина *ирредентизм* связано с движением *рисорджименто* за политическое объединение раздробленной на мелкие государства Италии в единое национальное государство (XIX в.). Ирредентистские идеи получали свое распространение в истории человечества. В частности, в середине XX в. возникла ирредентистская концепция «Великого Марокко» – создания государственного союза в результате отделения территорий, когда-либо находившихся под управлением марокканских султанов, и присоединения их к Марокко. В настоящее время в качестве примера стремления группы к ирредентизму называют, в частности, заявление абхазских лидеров начала 90-х годов XX века о желании Абхазии отделиться от Грузии и войти в состав России.

Энозис (греч. *henosis* – союз, объединение) часто рассматривается не только как форма политического сепаратизма, но и как частный случай ирредентизма. Отмеченное явление представляет собой отделение территории с целью присоединения к государству с одноэтничным населением, то есть своеобразное воссоединение этнического меньшинства с государственно-организованным одноэтничным большинством [8, с. 4]. Из приведенного определения видно, что формальной мотивацией к инициированию энозиса является общая этничность меньшинства и государственно-организованного большинства. Ирредентизм же в качестве обоснования может предполагать не только этнические, но также культурные, географические, национальные и исторические причины (см. [9, с. 2]). Изначально термин *энозис* применялся для обозначения движения за присоединение к суверенной Греции (начиная с 1830 г.) находящихся под управлением других государств регионов с преобладающим греко-христианским населением. В Греции же подобная политика энозиса вполне укладывалась в политическую концепцию расширения греческого государства до исторических масштабов Византийской империи (так называемая «Мегали идэа» – «Великая идея»). Сегодня движение греков-киприотов за воссоединение Кипра с Грецией также именуют политикой энозиса. Требование ингушского населения об отделении части Пригородного района от Северной Осетии и присоединении этой территории к Ингушетии, а также стремление осетинского населения Южной Осетии отделиться от Грузии и присоединиться к Республике Северная Осетия – Алания в составе Российской Федерации также обозначаются в литературе термином *энозис*.

В истории встречаются примеры того, как некоторые государства конституционно поощряли ирредентизм или энозис. Так, в Основном законе Сомали содержались положения, законодательно фиксирующие идею «Великого Сомали». В целях осуществления этого проекта предлагалось присоединить к Сомали те части территорий государств Африканского Рога, в которых большинство населения составляют сомалийцы. Воплощение отмеченной идеи на практике означает, по сути, энозис части территорий таких африканских государств, как Эфиопия, Кения и Джибути.

В научной литературе довольно часто встречаются определения, в которых понятия *ирредентизм*, *энозис* и *сецессия* отождествляются (см. [10, с. 308]). С одной стороны, в пользу смешивания понятий свидетельствует факт, что все три отмеченные формы сепаратизма в процессуальном плане включают стадию выхода территории из состава государства [3, с. 22]. Однако ошибка здесь кроется в том, что, в отличие от сецессии, ни ирредентизм, ни энозис в качестве своей конечной цели не предполагают создания нового государства на отделившейся территории.

Как представляется, разграничение терминов *сецессия* и *энозис* можно показать на примере ситуации, сложившейся в Нагорном Карабахе. Для этого необходимо проанализировать суть сепаратистской концепции «миацум» (арм. «воссоединение») – политики, основанной на стремлении армянского населения Нагорного Карабаха к отделению этой территории от Азербайджана и присоединению к Армении для образования единого армянского государства. Указанная концепция эволюционировала от идеи прямого переподчинения Нагорно-Карабахской автономной области Еревану к тактике поэтапного достижения той же цели. Поэтапность включала три стадии: предварительную, промежуточную и конечную. Предварительная стадия заключалась в отделении территории Нагорно-Карабахской автономной области от Азербайджана; промежуточная подразумевала создание «независимой республики»; конечная стадия означала окончательное присоединение Нагорно-Карабахской области к Армении. Исходя из приведенного в статье разграничения понятий, можно отметить, что реализация предварительной и промежуточной стадии концепции «миацум» является сецессией (ее результат сегодня – провозглашение непризнанной Нагорно-Карабахской Республики), а конечная стадия представляет собой энозис как частный случай ирредентизма.

При этом трудно согласиться с утверждением, согласно которому ирредентизм или энозис обязательно предполагают сецессию (см. [11, с. 417]). Если определенная область отделилась без последующего провозглашения своей государственности и вошла в состав другого государства, то это отделение – лишь процедурная часть процесса присоединения, а не сецессия в полном смысле этого слова. Ведь сецессия обязательно предполагает создание отдельного государственного образования со всей суверенной атрибутикой в пределах отмежевавшейся территории.

Итак, проведенный анализ показал, что сецессия, ирредентизм и энозис как формы сепаратизма с логической точки зрения являются более узкими терминами, отсюда следует, что понятие *политический сепаратизм* по объему гораздо больше их. Определив границы содержания понятия *политический сепаратизм* и установив, что сецессия является формой политического сепаратизма, следует раскрыть содержание термина *сецессия* и выявить соотношение таких понятий, как *сецессия*, *деколонизация*, *распад государства*.

Как представляется, все многообразие существующих определений сецессии можно свести к двум направлениям – «узкому» и «широкому». Сторонники «узкого» подхода (Дж. Дахлитс, Дж. Дугард, М. Коэн, Дж. Кроуфорд, С. Наполитано, Д. Раич, Ф. Фиртер и др.) полагают, что сецессия представляет собой сам акт выхода из состава государства какой-либо его части и обязательно

предполагает острый конфликт, включающий элемент несогласия [12, с. 3] и явного сопротивления отделению со стороны официальной власти, а также угрозу силой или ее применение со стороны сецессионистской группы [13, с. 390–391].

Своеобразными «оппонентами» предложенного «узкого» понимания сецессии выступают последователи «расширенного» подхода (В. Барткус, Г.С. Денисова, Б. Копитерс, А.В. Лубский, А. Павкович, П. Радан, М.Р. Радовель, В.А. Соловьев и др.) к толкованию этого явления. Они считают, что сецессией является процесс создания нового государственного образования на территории, которая до этого являлась частью уже существующего государства [3, с. 18]. Как видно из приведенного определения, указанная трактовка не включает компоненты «сопротивление отделению» и «применение силы», на обязательности включения которых в характеристику данного явления настаивают сторонники «узкого» подхода. Аргументируя свою позицию тем фактом, что насилие и сопротивление не имеют критического значения для определения сецессии, представители «широкого» подхода приводят два далеких от политической практики примера (см. [7, с. 6]), которые, по их мнению, позволяют решить концептуальный вопрос: должна ли сецессия (чтобы называться таковой) обязательно переходить в насильственные формы противостояния и включать жесткое (например, вооруженное) сопротивление официальной власти?

Так, ребенок может появиться на свет естественным способом либо после применения кесарева сечения. При этом различия в способах рождения совершенно не меняют сам факт рождения, после которого ребенок принимается в человеческое сообщество. Другой пример связан с бракоразводным процессом. Независимо от того, сопротивляется, например, муж заявлению жены, претендующей на расторжение брачного союза, или нет, сам факт расторжения брака не интерпретируется двояко и в любом случае квалифицируется как развод. Таким образом, приведенная абстракция позволяет осознать, что метод достижения цели и характер самого процесса не изменяют наименования результата всего процесса.

Нет сомнений в том, что кардинальные институционально-политические изменения в архитектуре государственных образований в случае сецессии увеличивают вероятность перехода латентного конфликта в стадию острого вооруженного противостояния. Тем не менее, как представляется, такие элементы, как применение силы и сопротивление официальной власти, все же не могут являться узловыми признаками, необходимыми для выявления содержания понятия сецессии. В пользу этого свидетельствует реальная практика политического сепаратизма, включающая примеры, в которых существующий конфликт не переходил в стадию ожесточенных войн. Так, выход Норвегии из состава Шведско-норвежской унии (1814–1905 гг.), несмотря на призывы к военной мобилизации, прошел без вооруженного конфликта. Официально сецессия была оформлена после всенародного голосования в Норвегии Карльстадскими соглашениями, которые были парафированы 23 сентября 1905 г. и подписаны после их одобрения парламентами обеих стран (норвежским стортингом – 9 октября 1905 г., шведским риксдагом – 13 октября 1905 г.). Образование независимой Словакии 1 января 1993 г. после ее выхода из состава Чешской и Словацкой Федеративной Республики также произошло без массового кровопролития

в результате так называемого «бархатного (то есть бескровного) развода» – мирного распада Чехословакии. В случае со Словакией также можно говорить о том, что существовавшие межэтнические проблемы и конфликт национальных элит не перешли в стадию вооруженного противостояния.

Противоположные «конфликтной» сецессии «бесконфликтные» процессы, в результате которых происходит отделение части территории с согласия существующего государства, некоторые представители «узкого» подхода именуют деволюцией (см. [12, с. 3]). С подобной позицией также можно не согласиться, поскольку деволюция представляет собой делегирование центральными правительственными органами части своих полномочий органам власти административно-территориальных единиц, что не предполагает выхода этих единиц из состава государства.

Отмеченные примеры свидетельствуют в пользу того, что «узкое» определение понятия сецессии еще нуждается в доработке и критическом переосмыслении, так как содержит крайне субъективные, спорные моменты. На наш взгляд, трактовка сецессии, данная представителями «широкого» подхода, является наиболее оптимальной для понимания сути сецессии через раскрытие ее процессуальных стадий. Поэтому, основываясь на представлениях сторонников расширительного толкования сецессии, полагаем, что сецессия как наиболее радикальная форма политического сепаратизма представляет собой процесс отделения от государственного образования какой-либо его части, в результате которого в границах этой части создается новое суверенное государство. Введенное определение содержит две стержневые компоненты: первая – отделение от политического целого его части – привязывает и соотносит его с понятием политического сепаратизма; вторая – создание нового государства в пределах территории, которая до этого принадлежала другому государству, – позволяет отграничить понятие сецессии от смежных дефиниций (например, от ирредентизма и энзиса). Подчеркнем также, что «отделение части от целого» в приведенном определении следует понимать не столько в географическом, сколько в политическом смысле. Так, например, попытки осуществить сецессию Кабинды (одна из провинций Республики Ангола) предполагают именно политическое отделение этой области от Анголы (то есть отделение части политического пространства, властного ресурса, обретение суверенитета, создание новой государственной атрибутики взамен прежней и т. д.), а географически эта область уже отделена от африканского государства, так как она имеет полуэксклавное положение.

Исходя из современного научного употребления слова *сецессия*, необходимо также заметить, что оно, как правило, связано с процессами государствогенеза и крайне редко используется применительно к отделению частей других компонентов политической системы.

В политологической литературе также встречаются две противоположные точки зрения на проблему соотношения терминов *сецессия* и *деколонизация*. Одни исследователи полагают, что сецессия и деколонизация – совершенно разные процессы (см. [14, с. 33]), другие считают, что деколонизация и есть сецессия (см. [3, с. 25]). В самом общем смысле деколонизация – это обратный колонизации процесс, при котором колониальным странам и народам предоставляется

независимость. В период деколонизации происходит слом колониальной системы, в результате которого колониальные и зависимые территории превращаются в свободные и независимые государства. На наш взгляд, процесс деколонизации можно назвать частным случаем сецессии, так как здесь происходит образование отдельного государства на территории, принадлежащей метрополии. Специфика заключается в том, что субъекты – участники процесса отделения при деколонизации отличаются по своему политико-правовому статусу от субъектов – участников сецессии. Так, колония как часть метрополии имеет особый правовой статус, который отличается от статуса, например, субъекта федерации или административно-территориальной единицы унитарного государства. Кроме этого, колонии, как правило, географически обособлены и отдалены от метрополии. Следует также отметить, что процессы деколонизации были официально санкционированы серией резолюций ООН, а другие типы сецессии на сегодняшний день не санкционированы каким-либо международно-правовым документом по причине того, что международное право защищает территориальную целостность существующих государств.

Кроме этого, в литературе можно встретить попытки различить понятия *сецессия* и *распад государства* (см. [15, с. 42–43]). Полагаем, что выделенные термины разнородны и соотносятся друг с другом не в качестве синонимов, а как причина и следствие: так, сецессии нескольких субъектов федерации могут привести к системной дезинтеграции и распаду существующего федеративного государства. Это, в частности, произошло после сецессий четырех из шести союзных республик Социалистической Федеративной Республики Югославия, которые привели к распаду СФРЮ.

Таким образом, расширительное толкование сецессии как формы политического сепаратизма наиболее адекватно отражает суть сецессии и не только способствует концептуализации этого явления, но и создает возможность для корректировки существующих типологий сецессии и политического сепаратизма.

Summary

R.M. Nurullin. On the Concept of Secession in Political Science.

There is no generally accepted definition of secession in political science today. This fact leads to numerous terminological inaccuracies in current research on political separatism. In the article the definition of secession is clarified and the interrelation of associated terms is revealed.

Key words: secession, political separatism, irredentism, enosis, decolonization, state dissolution.

Литература

1. *Black R.H.* An etymological and explanatory dictionary of words derived from the Latin. – London: Longman, 1825. – 334 p.
2. *Livingston D.W.* The very idea of secession // *Society*. – 1998. – No 5. – P. 38–48.
3. *On the way to statehood: secession and globalization / Ed. by A. Pavcović, P. Radan.* – Aldershot: Ashgate, 2008. – 177 p.

4. *Крылов А.Б.* Сепаратизм в странах Востока. – М.: Наука, 1992. – 176 с.
5. *Попов Ф.А.* Сравнительный анализ действующих зон распространения сецессионизма на территории Африки и Америки // Вестн. молодых ученых «Ломоносов». – М.: Макс Пресс, 2006. – Вып. III. – С. 98–103.
6. *Hechter M.* The dynamics of secession // *Acta Sociologica*. – 1992. – No 4. – P. 267–283.
7. *Creating new states: theory and practice of secession* / Ed. by A. Pavcović, P. Radan. – Aldershot: Ashgate, 2007. – 277 p.
8. *Лубский А.В.* Конфликтогенные факторы на Юге России: методология исследования и социальные реалии. – Ростов н/Д.: Изд-во СКНЦ ВШ, 2005. – 192 с.
9. *Ambrosio T.* Irredentism: ethnic conflict and international politics. – Westport: Praeger Publ., 2001. – 226 p.
10. *Raič D.* Statehood and the law of self-determination. – The Hague: Kluwer Law International, 2002. – 495 p.
11. *Handbook of international relations* / Ed. by W. Carlsnaes, T. Risse-Kappen, B. Simmons. – L.: SAGE, 2002. – 572 p.
12. *Secession: international law perspectives* / Ed. by M.G. Kohen. – Cambridge: CUP, 2006. – 510 p.
13. *Crawford J.* The creation of states in international law. – Oxford: Clarendon Press, 2006. – 870 p.
14. *Bishai L.S.* Forgetting ourselves: secession and the (im)possibility of territorial identity. – Lanham: Lexington Books, 2007. – 181 p.
15. *Self-determination in international law* / Ed. by A.F. Bayefsky. – The Hague: Martinus Nijhoff Publ., 2000. – 512 p.

Поступила в редакцию
18.09.09

Нуруллин Ринат Маратович – аспирант кафедры политологии Казанского государственного университета.

E-mail: messagetorinat@mail.ru